
Анна Ветрова
Тень над Браном

Анна Ветрова

Тень над Браном

«Автор»
2026

Ветрова А.

Тень над Браном / А. Ветрова — «Автор», 2026

Осень 1459 года. Замок Бран, вросший в скалы Трансильвании, хранит мрачные тайны. Сюда возвращается Маргарета фон Тёрцбург — молодая вдова, желающая лишь забрать бумаги на наследство и уехать до первых морозов. Но замок не отпускает так просто.Её встречают труп коменданта в запертой комнате, поддельные печати и угрозы, написанные кровью. Рядом — Владислав, бывший жених с ледяной улыбкой, жаждущий власти, и капитан Маттиас Фальк, человек со шрамом на виске и темным прошлым, которому нельзя доверять или можно?В лабиринте интриг переплетаются судьбы: преданная служанка Изабелла, скрывающая роковую любовь; управляющий Конрад, ведущий двойную бухгалтерию жизней; и Петру, конюх, чье происхождение может стоить ему головы.Это жестокий исторический детектив о людях, для которых ложь — способ выжить, а правда — смертельный приговор.Сможет ли Маргарета разгадать загадку медальона и спасти тех, кто ей дорог, пока над замком сгущается тень заговора? Или Бран станет её последней крепостью?

© Ветрова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ КОМЕНДАНТА 5
ГЛАВА 1. ВОЗВРАЩЕНИЕ В КРЕПОСТЬ 11
ГЛАВА 2. ЦЕНА ВЕРНОСТИ 20
ГЛАВА 3. ЗАПРЕТНАЯ КОМНАТА 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Анна Ветрова
Тень над Браном

ПРОЛОГ. ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ КОМЕНДАНТА

Сентябрь 1459 года

К вечеру ветер с перевала переменился, и над Браном потянуло гарью. Где-то далеко жгли стерню, а может, и не стерню. После лета, которое саксонцы называли дурным, а пастухи в долине Мочию вообще не называли никак, люди научились принюхиваться к ветру.

Золтан стоял на западной стене с половины шестого. Пальцы у него одеревенели, а нос тёк, и он давно перестал его вытирать. Внизу, под скалой, дорога выползала из ельника серой лентой и тут же пряталась за выступ. Он смотрел на этот выступ так долго, что тот начал казаться ему живым.

Когда из-за выступа показалась лошадь, он сперва решил, что обознался. Лошадь шла без седока. Потом сверху, с высоты стены, разглядел: седок был, только лежал на шее, обхватив её обеими руками, как мужик обнимает бочку, когда напился.

— Эй, — сказал Золтан негромко, самому себе. Потом заорал: — Эй, на воротах! Один, конный! Худо ему!

Внизу загремело. Рядом с воротами всегда торчал кто-нибудь сонный, но в этот раз заспешили все: стукнули засовы, натужно взвизгнула калитка. Золтан спустился по лестнице так быстро, что ободрал локоть о камень, и выскочил во двор как раз тогда, когда лошадь, спотыкаясь, вошла под арку.

Бок у неё был вспорот, и кровь уже подсохла чёрной коркой. Всадник сполз сам. Не упал, именно сполз, цепляясь за стремя, и остался сидеть на земле, прислонившись спиной к колесу брошенной у ворот телеги.

Капитан появился, когда его уже обступили. Золтан увидел, как расступились плечи — стража так расступалась только перед одним человеком в крепости. Маттиас Фальк шёл без плаща, в одной кожаной куртке поверх кольчуги, и на ходу застёгивал пояс. Остановился, присел на корточки. Шрам у правого виска в свете факела казался глубже, чем днём.

— Факел ближе. Да не в лицо, олух, сбоку.

Золтан поднёс.

Лицо у раненого было незнакомое только на первый взгляд. Капитан смотрел на него секунду, две, потом выдохнул сквозь зубы:

— Ханс. Ханс Мельцер.

— Вы его знаете? — спросил кто-то из толпы.

— Он ушёл из замка в июле. С комендантом. — Маттиас повернул голову. — Воды. И кого-нибудь за цирюльником, живо.

Ханс открыл глаза. Они были мутные, с красными прожилками, как у человека, который долго ехал без сна. Он поймал взглядом капитана и вдруг ухватил его за рукав — цепко, из последних сил.

— Где он?

— Кто?

— Хольцер. Он добрался? Он должен был…

— Ты о чём? Комендант с тобой уехал, не со мной. Что с вами стряслось? Кто тебя так?

Ханс зашептал, и капитану пришлось склониться совсем низко. Золтан стоял ближе всех и расслышал только обрывки: «…не довезли… в лесу, у Рукэра… их было шестеро…» А потом, отчётливо, как будто ему на секунду вернули голос:

— Маргарета. Скажите Маргарете. Она… Тёрцбург.

— Какой Маргарете? — Маттиас тряхнул его за плечо. — Эй! Ханс! Какой Маргарете, говори!

Но голова упала на грудь. Ханс Мельцер дышал ещё несколько ударов сердца, потом из горла вышел долгий, ровный свист — и всё.

Над двором повисла тишина. Лошадь тяжело фыркнула, переступила, и кровь с её бока капнула на камень.

Капитан закрыл мёртвому глаза, не торопясь, одним движением ладони. Выпрямился.

— Никому ни слова, что он сказал. Ты слышал? — Он посмотрел на Золтана, и тому захотелось стать меньше ростом. — Ты. И все остальные. Ханс просил воды, ему не успели дать. Ясно?

— Ясно, господин капитан.

— Повтори.

— Просил воды. Не успели.

— Вот и хорошо.

***

Покои коменданта находились на втором ярусе, в северном крыле, куда зимой не добирался ни один сквозняк, зато добирался холод, идущий прямо из скалы. Маттиас поднимался по узкой лестнице в сопровождении двух стражников, и подошвы их сапог гулко били в тесное каменное горло.

Он сам не мог бы объяснить, зачем идёт. Хольцер ушёл в июле, и никто не видел, чтобы он возвращался. Комната стояла запертой — так по крайней мере считалось.

Дверь поддалась от лёгкого толчка.

— Была закрыта? — спросил он.

— Утром была, — сказал второй стражник, постарше, с кривым носом. — Я мимо ходил на смену. Засов не задвинут, но створка на месте. Мы думали, ключ у управляющего.

— Думали.

Внутри пахло остывшим углём и ещё чем-то сладковатым, неприятным, о чём не хотелось размышлять. Маттиас вынул из-за пояса короткий факел, зажёг его от стенного и шагнул через порог.

Жаровня лежала на боку посреди комнаты. Угли высыпались и прожгли в досках чёрную звёздчатую рану; пепел растёкся серой кляксой, и в нём отпечатался чей-то след — маленький, неполный, носок без пятки. Пламя давно умерло, но от дерева ещё тянуло жаром.

У стола, лицом вниз, лежал человек.

Маттиас подошёл, перевернул его носком сапога — и сразу отступил, потому что сапогом такое не делают. Нагнулся и взял тело за плечо уже рукой.

Это был Ульрих Хольцер, комендант замка Бран. Тот самый, что уехал в июле с шестью людьми и письмом для брашовского совета. Серое, чуть одутловатое лицо, редкие рыжеватые волосы, перстень на мизинце. Под левым подреберьем — рана, узкая, чистая. Колотая. Кровь по краям почернела и схватилась, значит, лежал он тут не час и не два.

— Святой Мартин, — выдохнул кривоносый.

— Святой Мартин сейчас занят, — сказал Маттиас. — Кто-нибудь входил сюда с утра? Кроме тебя, мимо?

— Никто. Клянусь.

— Не клянись, дурень, ты не в церкви. Просто скажи, видел или не видел.

— Не видел.

— А если не видел, откуда тогда он здесь взялся? Через главные ворота после июля никто из наших не проходил, я бы знал. Значит, либо он пролез в замок мышью, либо его принесли.

Стражники переглянулись, и в этом взгляде Маттиас прочёл то, что и сам понимал: оба боятся. Не мертвеца — того, кто смог провести мертвеца через замок, битком набитый людьми.

Он выпрямился и повёл факелом по столу.

Бумаги лежали аккуратной стопкой, и только одна была вынута и положена отдельно, поверх чернильницы, словно её отложили, чтобы дописать. Три строки, дальше пустое место. Перо рядом, очиненное свежо, но чернила на нём успели засохнуть.

Внизу листа был вдавлен в красный воск оттиск. Волчья голова над башенкой, и вокруг — узкая лента букв, мелких, не прочесть.

— Чья? — спросил Маттиас, не оборачиваясь.

— Не знаю, господин капитан. Не наша.

— Это я и без тебя вижу. Значит, так. Вы двое остаётесь у двери. Внутрь — никого, пока я не вернусь. Ни управляющего, ни священника, ни самого короля Матьяша, если ему вздумается зайти. Услышите, что кто-то идёт, — спрашивайте, кто, и не отпирайтесь с мечом, а звоните в колокол на галерее.

— А если сам управляющий…

— Особенно если сам управляющий.

Бумагу он не взял. Постоял над ней несколько секунд, прикидывая, потом достал нож, поддел воск и вырезал печать целиком, вместе с куском пергамента. Положил в кошель на поясе. Остальное оставил как было: пусть тот, кто придёт смотреть, думает, что всё на месте.

***

Конрад Вайс жил в замке двадцать девять лет, и за двадцать девять лет не научился только одному: радоваться чужому приказу.

Распоряжение принёс мальчишка-посыльный, сын кухарки, красный от бега. Выпалил, что господин капитан велит никого не пускать в покои старого коменданта, и ни одной бумаги оттуда не выносить, и что вообще «слово такое: вопросов не задавать».

— Сам ты что видел? — спросил управляющий.

— Ничего, господин. Меня только послали.

— Ступай. Скажи капитану, что я понял.

Когда дверь за мальчишкой закрылась, Конрад ещё некоторое время сидел неподвижно, положив обе ладони на стол. Руки у него были сухие, с набухшими венами, и совершенно спокойные. Он смотрел на них, будто видел впервые.

Значит, нашли. Быстрее, чем он рассчитывал.

В кабинете горела одна свеча. За спиной, в углу, темнела сундучная стена — три окованных ларя, один на другом, ключи от каждого висели у него на шее. Конрад встал, запер изнутри дверь на засов, потом на второй засов, который сам приказал врезать пять лет назад, когда стали пропадать мелкие деньги. Вернулся к столу.

Достал из средней полки пачку листов — серых, шершавых, исписанных его собственным ровным почерком, — и принялся рвать. Каждый лист пополам, ещё раз пополам. Бросал клочья в жаровню у стены, подносил свечу. Бумага занималась неохотно, закручивалась, чернела; комната наполнилась едким дымом.

Он работал размеренно, как работал всегда: ничего не пропускать, ничего не оставлять на потом. Пятнадцать листов. Двадцать. Один оказался плотнее прочих, никак не желал разгораться, и Конрад сердито ткнул в него кочергой.

— Ну давай же, давай, старая падаль.

Лист вспыхнул, но не весь. Обгоревший угол оторвался, вспорхнул — потолочный сквозняк подхватил его и бросил за сундучную стену, в тёмную щель между ларём и камнем. Конрад этого не заметил. Он вытирал руки о фартук и смотрел на жаровню, где догорало последнее.

Потом отпер засовы, проветрил комнату, сел за стол и вынул из ящика другую бумагу — настоящую, с цифрами, про закупку соли. Обмакнул перо.

Если придут, застанут за делом. Он всегда был за делом.

Только соль почему-то не считалась. Цифры рассыпались перед глазами, и ему несколько раз пришлось начинать столбец заново.

***

Конюшня в такой час жила тихой, тёплой жизнью. Лошади переступали с ноги на ногу, пережёвывали сено; под крышей мерно скрипела балка. Пахло навозом, тёплой кожей и дымком из кузни.

Петру Драгомир чистил гнедого, когда услышал шаги и понял по ним, кто пришёл. Шаги были неторопливые, тяжёлые, с чуть заметной волочкой на правую — след старой раны. Капитан вошёл и остановился у входа. Лампу не взял.

— Ты ещё не спишь.

— Ханса лошадь вычищаю, господин. Её ж до утра не оставишь, раны затянет коркой, потом не отмочишь.

— Ты слышал, что случилось?

— Все слышали.

— Что именно все слышали?

Петру перестал водить скребницей. Парню шёл двадцатый год, он был костлявый, смуглый, с прилипшей к виску тёмной прядью и розовым пятном старого ожога на шее. Огонь тогда едва не взял его; шрам остался, и под воротником он его прятал.

— Что Ханс помер. Что просил воды. Что вы велели про воду помнить.

— Хорошо, что помнишь. — Маттиас шагнул ближе. — Теперь скажи мне, что ты видел сегодня после обеда. Не вообще. Возле северной лестницы.

Петру молчал долго. Потом положил скребницу на край кормушки и вытер руки о штаны.

— Господин капитан… а мне ничего за это не будет?

— Смотря что ты видел.

— Вот это самое меня и пугает.

— Меня тоже, парень. Говори.

— Я овёс таскал. Через боковую дверь, что к северному крылу, потому что с главной стороны телега застряла. — Он сглотнул. — Темнеть начало. Вижу — на лестнице женщина. Спускается быстро, но тихо, прижимается к стене. Плащ синий, глубокий такой, с капюшоном. Лица не видно. Она меня заметила, остановилась… постояла… и пошла в сторону часовни.

— Рост?

— Невысокая. Мне до плеча почти. Или чуть выше.

— Походка? Молодая, старая?

— Не знаю. Она будто нарочно шагала чужим шагом. Мелким таким.

— Руки видел?

— Одну. Держала плащ у горла. На пальце вроде что-то блестело. Кольцо, не кольцо… Не скажу, господин.

Капитан потёр шрам на виске, как делал, когда злился.

— Синий плащ. В этом замке синие плащи носят… сколько женщин? Трое? Четверо?

— Больше, господин. Прачки, жена повара. У жены повара вообще такой, из дешёвой шерсти.

— Вот именно. — Маттиас вздохнул. — Ладно. Слушай внимательно, потому что дважды повторять не стану. Ты никому об этом не говоришь. Не отцу Лаврентию, не своим дружкам, не прачкам, не той девчонке, что тебе улыбается у колодца.

— Да я…

— Не перебивай. Спать будешь сегодня не здесь, а в караулке, на верхней лавке, и дверь изнутри запрёшь. Понял?

— А зачем в караулку?

— Затем, что человек, который вышел из той двери, видел, что ты его видел. Теперь ты понял, зачем?

Петру побледнел так, что стал виден каждый бугорок на его скулах. Но кивнул.

— Понял.

— Умный. Иди.

Парень схватил куртку и пошёл. На пороге остановился.

— Господин капитан… а Ханс. Он правда о Маргарете говорил? Ребята шептались.

Маттиас посмотрел на него так, что у парня язык прилип к нёбу.

— Ребята пускай шепчутся. А ты запомни: ты не слышал.

***

Смотровая башня в этот час была пуста. Часовой сменился недавно, и Маттиас, поднявшись, отослал его вниз под предлогом, что желает осмотреть дорогу сам. Тот не удивился. Капитан часто поднимался сюда по ночам: смотрел на долину, на чёрные хребты, на редкие огоньки в далёких деревнях, и не говорил никому, о чём думает.

Сегодня он смотрел совсем в другую сторону — в ладонь.

Печать лежала на ней, вырезанная вместе с лоскутом пергамента: тёмно-красный воск, расколовшийся с одного края, и на нём — волчья морда над башенкой с тремя зубцами. Масляная лампа, прикрытая от ветра ладонью, давала мало света, но хватало.

Он видел эту печать. Это было ясно с той самой минуты, как поднёс факел к столу в покоях Хольцера. Только вспомнить, где, не получалось, и от этого внутри всё чесалось, как под повязкой.

Ветер хлопнул ставней. Где-то внизу, на галерее, зазвонил и затих колокол — стража сверялась со временем.

И тогда Маттиас вспомнил.

Не в замке. В Брашове, весной, в доме на торговой площади, где он ждал приёма у судьи. На стене в приёмной висел щит, расписанный гербами семей, платящих городу сбор. Волчья голова над башенкой стояла в третьем ряду. Тёрцбург — так по-немецки зовут Бран. Старинный род, давно, ещё при прежних королях, получивший землю у подножия скалы и право ставить на бумагах знак с её очертанием.

Тёрцбург.

Он сжал печать так, что воск крошкой посыпался в ладонь.

— Маргарета, — сказал он вслух, одними губами.

Три дня назад пришло письмо из Брашова. Короткое, на плохой бумаге, с припиской писца: вдова из рода Тёрцбург просит принять её в замке для улаживания дел покойного мужа, прибудет до исхода второй недели месяца, просит оказать почтение и подготовить покои. Он тогда прочитал, пожал плечами, велел Конраду проветрить южную комнату. Вдовы приезжали раз в год: делить сундуки, оплакивать мужей, торговаться из-за лишнего локтя земли.

Теперь выходило иначе.

Мёртвый всадник перед смертью назвал её имя. Мёртвый комендант лежал в комнате, куда никто не входил, с недописанной бумагой под её печатью. Женщина в синем плаще — Петру говорил «невысокая» — уходила от этого места, неся что-то в руке. И сама вдова, чьё имя уже тянулось по замку шёпотом, ехала сюда по дороге, на которой за последний месяц погибло больше торговцев, чем за три года.

Ловушка? Подлог? Её собственная игра?

Он не знал. Но знал другое: тот, кто вложил её имя в эту историю, рассчитывал, что она приедет. Что она войдёт в замок через ворота, которые охраняет он, Маттиас Фальк, и что он, прочтя печать, сделает именно то, что делает сейчас.

Сомневается.

— Нет, — тихо сказал он в темноту. — Не так быстро.

Он сложил печать в кошель, затянул шнурок. Подошёл к краю площадки и опёрся о холодный камень. Внизу, в долине, не горело ни единого огня. Дорога лежала мёртвой белой полосой. Где-то там, на её извивах, в трёх или четырёх днях пути ехала женщина, которой он никогда не видел.

И ещё где-то совсем рядом, под этой самой крышей, ходил человек, который знал, что она едет.

Ветер переменился снова. Гарью уже не пахло.

Пахло снегом.

ГЛАВА 1. ВОЗВРАЩЕНИЕ В КРЕПОСТЬ

Октябрь 1459 года

Туман лежал в долине так плотно, что лошади шли по нему, как по молоку. Маргарета видела только круп гнедой кобылы перед собой, смутные силуэты двух слуг позади да чёрную спину проводника, который уже второй час не оборачивался.

Рассвет в горах подкрадывается без предупреждения. Только что было темно, потом вдруг посерело, и ели по обе стороны дороги выступили из мглы, мокрые, тяжёлые, пахнущие смолой и холодным железом. Руки в перчатках онемели. Она сжимала повод и думала о том, что семь лет назад проезжала здесь в обратную сторону — девочкой в свадебном возке, с венком на голове, который кололся шпильками, и с пустотой под рёбрами.

Теперь возвращалась вдовой. Ей было двадцать четыре.

— Госпожа, — позвала сзади Грета, и голос у неё был сиплый от холода. — Может, сделаем привал? Ноги совсем не гнутся.

— До Брана час. Потерпи.

— Потерплю. Мне не впервой.

Грета служила в доме Маргариты с детства, сначала нянькой, потом горничной, и ворчала, кажется, с рождения. Рядом с ней, сгорбившись в седле, ехал Якоб, молодой конюх с обветренными скулами. Он вёз сундуки и всю дорогу молчал, а это было для него несвойственно.

Проводник придержал коня и поднял руку.

Нягу нанимали в Брашове, за три флорина вперёд и два по прибытии. Невысокий, жилистый, с чёрными усами и кривым мечом на поясе, он был из тех людей, чьё лицо ничего не выдаёт. Сейчас оно что-то выдавало.

— Что там? — спросила Маргарета.

— Не знаю пока. Стойте тут.

Он спешился, отдал повод Якобу и пошёл вперёд, ступая бесшумно, как зверь. Туман сомкнулся за его спиной. Маргарета слышала, как капает с еловых лап, как всхрапывает кобыла, как где-то выше по склону хрустнула ветка. Рука сама легла на рукоять небольшого кинжала, спрятанного в складках плаща.

Через минуту он вернулся.

— Проезжайте. Только не смотрите по сторонам, госпожа.

— Почему?

— Потому что вам не понравится.

— Нягу.

— Дорога прямая, туман рассеялся, всё равно увидите. — Он пожал плечами и вскочил в седло. — Но я предупредил.

Они выехали на поворот, и туман действительно разошёлся, как занавес.

Посреди дороги лежала на боку большая крытая повозка. Колесо сломано, борт вырван, мешки с зерном вспороты ножами, и серая мука смешалась с грязью в вязкое тесто. Дальше, у обочины, валялись два вола с перерезанными глотками. Над ними, не торопясь, ходили вороны, переступая с лапы на лапу. Им спешить было некуда.

Людей не было. Ни живых, ни мёртвых.

— Забрали, — сказал Нягу. — Живых в обоз, мёртвых в лес. Или наоборот. Не поймёшь теперь.

— Кто?

— Это зависит от того, у кого вы спросите. Купцы скажут — разбойники. Брашовские власти скажут — люди Дракулы. Те, кто побогаче, молчат и платят охране вдвое.

Маргарета не отвела взгляда от воронов.

— Влад Цепеш, — произнесла она ровно. — Говорят, в августе он пожёг предместья.

— Говорят. И на колья сажал, кто под руку попался. Тридцать человек, сорок, никто не считал. А что, госпожа, вам знакомо это имя?

— Знакомо.

— Тогда вы понимаете, почему я прошу не отставать.

— Понимаю.

— И не соглашаться на ночёвку в деревне. Там тоже всякое случается.

Она посмотрела на него внимательно. Он выдержал взгляд, но уголок рта дёрнулся.

— Вы много знаете для проводника, — сказала она.

— Много езжу. Много слушаю. Мало говорю — в этом весь секрет долгой жизни. — Он тронул коня. — Поехали.

Они миновали разорённый обоз быстро, не оглядываясь. Грета бормотала молитву. Якоб побледнел и всю оставшуюся дорогу то и дело ощупывал тюк с вещами, будто боялся, что и его вскроют ножом.

Скала проступила впереди, когда солнце наконец пробилось сквозь облака. Серая, мокрая, с дымкой по склонам, и на её вершине — крепость, вросшая в камень так, что не разобрать, где кончается скала и начинается стена. Башни торчали вразнобой, крыши были чёрные от дождей.

Бран.

Маргарета не почувствовала ни радости, ни страха. Только странное, тянущее узнавание, как перед зубной болью.

— Красота, — угрюмо заметила Грета. — Тюрьма настоящая.

— Не тюрьма, — сказала Маргарета. — Дом.

— Тем хуже, госпожа. В доме труднее убежать.

***

Двор встретил их запахом дыма, мокрой соломы и жареного сала. Здесь, внутри стен, туман ещё держался, поднимаясь от камней тонкими струйками; в нём двигались люди — кузнец с молотом на плече, две бабы с корзинами, мальчишка, тащивший за ухо упирающегося козла. Всё как везде. Только слишком часто, как заметила Маргарета, люди бросали на неё быстрые взгляды и тут же отводили глаза.

Она спешилась сама, не дожидаясь помощи. Колени подогнулись, и она на секунду ухватилась за седло. Потом выпрямилась.

К ним шёл мужчина.

Высокий. Широкий в плечах, в кольчуге под тёмным плащом, с короткой бородой и чёрными, давно не стриженными волосами. На правом виске — шрам, тонкий, белый, от глаза почти до уха. Он не торопился, но двигался так, что остальные освобождали ему дорогу, даже не глядя.

— Госпожа фон Тёрцбург?

— Да.

— Маттиас Фальк. Капитан гарнизона. — Он коротко кивнул, не поклонившись. — Добро пожаловать в Бран. Ваши комнаты готовы, слуг разместят. Перед тем, как вы пройдёте наверх, нам придётся поговорить.

— Сейчас? Я с дороги.

— Сейчас.

Грета шагнула вперёд, готовая вступиться, но Маргарета остановила её взглядом.

— Хорошо, капитан. Здесь?

— Здесь нормально. — Он показал на каменный выступ под галереей, где никто не стоял. — Если угодно, присядьте.

— Постою.

— Как хотите.

Они отошли на несколько шагов. Маттиас встал так, чтобы видеть двор целиком, и это не укрылось от неё. Он стоял спиной к стене. Человек, привыкший к ножам.

— Вы приехали в плохое время, — сказал он.

— Я приехала по делам. Мои бумаги из Брашова вы получили.

— Получил. А вот чего в них не было, — так это упоминания о том, что четыре дня назад мы нашли здесь убитого человека.

Она не вздрогнула. Научилась этому давно, в доме, где вздрагивание считалось слабостью.

— Кого?

— Ульриха Хольцера. Коменданта Брана. Он ушёл из замка в июле, а мёртвым нашёлся у себя в покоях. В запертой, как все считали, комнате.

— Мне жаль. — Это была правда, но не вся. — Я знала его по рассказам мужа. Он ему нравился.

— Вашему мужу.

— Да.

— Покойному.

— Давайте без повторов, капитан. Я знаю, что мой муж умер.

— Я не повторяю. Я уточняю. — Глаза у него были тёмные, спокойные и очень внимательные. Такие глаза бывают у людей, которые привыкли выслушивать ложь. — Он умер в июне, верно?

— Одиннадцатого. Ночью.

— От чего?

— Врач сказал: сердце.

— А вы что сказали?

Вот тут она всё-таки сжала пальцы в перчатке.

— Я ничего не говорила. Я хоронила.

— Понятно.

— Не думаю, что вам понятно. Вы задаёте вопросы, как на допросе.

— Потому что веду. — Он не извинился и даже не смягчил голос. — Госпожа Маргарета, я человек простой. Мне нужно знать, что вы здесь делаете. Не в бумагах — на самом деле.

— Улаживаю наследство. Мне осталось поместье в долине. Небольшое, но оно требует присмотра. Часть бумаг на землю хранилась здесь, в замковом архиве, ещё с тех времён, когда мой дед платил сбор за право рубить лес. Я хочу забрать их и уехать до первых морозов.

— До первых морозов вы не уедете.

— Почему?

— Потому что я не выпущу.

Тишина между ними стала плотной, почти осязаемой. Где-то в стороне лязгнуло ведро.

— Вы мне угрожаете? — спросила Маргарета спокойно.

— Предупреждаю. До конца расследования никто из тех, кто был в замке в ночь убийства, не покинет стены. Вы не были. Но вы приехали на четвёртый день. И, — он слегка прищурился, — вашего мужа здесь видели.

Она открыла рот и закрыла.

— Моего мужа?

— Так записано в воротной книге. Двадцать пятого мая. Прибыл с двумя сопровождающими, пробыл сутки, уехал.

— Он был здесь в апреле.

— Я говорю о мае.

— Вы ошибаетесь. В мае он лежал дома с лихорадкой. Мы выписали лекаря из Сигишоары.

— Ошибаюсь, возможно. Но запись сделана рукой стражника, который не умеет врать — он вообще писать-то с трудом умеет. Да и подпись ваш муж поставил сам. Могу показать.

Теперь по лицу её что-то прошло. Не страх, нет. Скорее холодное, быстрое осознание, как будто дверь в давно знакомой комнате вдруг открылась в стене, где раньше никакой двери не было.

— Покажете, — сказала она.

— Покажу. Не сегодня.

— Почему не сегодня?

— Потому что сначала я хочу, чтобы вы подумали, что вам известно. — Он сделал короткую паузу. — А потом уже поговорим.

— Вы рассчитываете, что я расскажу вам, пока вы держите меня во дворе на холоде?

— Я рассчитываю, что вы сообразительная женщина. Посмотрим.

Она смерила его взглядом от плеч до сапог и обратно.

— Скажите, капитан, у вас есть привычка встречать так всех гостей, или я удостоилась особого внимания?

— Только вдов, чьи имена попадают в мёртвые руки.

Фраза прозвучала быстро и, кажется, помимо воли. Маттиас тут же закрыл рот, но было поздно.

— Что вы сказали?

— Ничего.

— Нет, вы сказали. — Она шагнула ближе, и теперь, когда они стояли почти вплотную, ему пришлось слегка опустить голову, чтобы смотреть ей в лицо. — Чьи имена, чьих рук?

— Оговорился.

— Вы не из тех, кто оговаривается.

Он молчал. Она тоже. Над ними, на галерее, кто-то кашлянул — наверное, стражник, делавший вид, что не слушает.

— Вечером, — наконец сказал Маттиас. — Когда устроитесь. Я пришлю человека.

— Пришлите. — Маргарета повернулась к слугам. — Грета, пойдём. Якоб, сундуки наверх.

Она прошла мимо капитана, не глядя на него, но спиной чувствовала, как его взгляд следует за ней через весь двор.

***

Комнату она попросила осмотреть сразу после обеда. Хлеб, холодное мясо, кружка кислого вина. Ела механически, не чувствуя вкуса, и всё время думала о майской записи в воротной книге.

Двадцать пятое мая. Тогда он, кажется, действительно уезжал куда-то на день. Сказал, что к соседу, насчёт спорной межи. Она не расспрашивала. Они давно уже не расспрашивали друг друга ни о чём.

Капитан сам проводил её на северный ярус. Шёл впереди, молча, и только на лестнице бросил через плечо:

— Осторожнее, ступени неровные.

— Вижу.

— Здесь недавно человек сломал ногу.

— У вас замок бедствий какой-то.

— У нас замок, госпожа. Просто в нём слишком много камня.

У двери он остановился.

— Здесь всё осталось как было. Тело вынесли, остальное тронуто не было. Печать с бумаги… — он запнулся, — убрана. Остальное на месте. Входите, но руками ничего не трогайте.

— А я вам разве показалась воровкой?

— Вы показались мне женщиной, которую лучше предупредить.

Она вошла.

Комната была большая, холодная, и в этой холодности угадывалась запустелость, хотя прошло всего четыре дня. Стол у окна, кресло с высокой спинкой, узкая кровать под тяжёлым покрывалом. Доски у жаровни были прожжены насквозь: чёрная звёздчатая опалина, от которой пахло горелым деревом. Опрокинутая жаровня стояла там же, где упала.

Маргарета обошла стол, не касаясь. Пустая чернильница. Перо. Несколько листов, лежавших ровной стопкой. На краю — бледное круглое пятно: там что-то стояло долгое время, и дерево под ним сохранило прежний цвет, а вокруг потемнело.

Она нахмурилась.

— Здесь было что-то, — сказала она тихо.

— Что?

— Шкатулка. Писчая. Небольшая, из тёмного ореха, с перламутровой инкрустацией на крышке. — Маргарета провела пальцем над поверхностью, не дотрагиваясь. — Размером как два молитвенника. Мой муж возил её с собой везде.

Капитан подошёл к столу.

— Когда она здесь стояла?

— Я не знаю. Он писал мне из Брана в апреле. Одно из последних писем. — Она говорила медленно, пересчитывая в голове детали. — Там была приписка: «Шкатулку оставил Хольцеру, он обещал сберечь до осени». Тогда я не придала значения. Подумала, лишнее добро, зачем таскать туда-сюда.

— А теперь?

— А теперь её нет. И вы сказали, что здесь ничего не трогали.

— Ничего.

— Значит, её забрали раньше. До смерти коменданта или после.

— Или комендант её отдал.

— Кому?

Он не ответил, и она вдруг ясно поняла: капитан задал этот вопрос самому себе, и тоже не знает ответа.

— Что в ней было? — спросил он наконец.

— Бумаги. Чернила. Печать семьи. — Она помедлила. — Ничего ценного. Для вора.

— А для не-вора?

— Я не знаю, капитан. Я не знаю, что мой муж делал в мае, зачем он возвращался сюда, что оставлял, кому и почему умер так вовремя, чтобы этого никто не заметил. Я приехала за бумагами на лес и луга. А меня встречают трупами и вопросами. Если бы вы были на моём месте, что бы вы сделали?

— Спросил бы, чего от меня хотят, — сказал Маттиас. — Но сначала осмотрел бы комнату до конца.

Он отошёл к стене, постучал костяшками по камню, прислушался. Она подумала, что это жест человека, который уже не раз простукивал стены в чужих домах.

Вдруг она заметила, что на полу, рядом с опалиной, видны следы. Чёткие на пепле, но уже не свежие.

— Это ваши?

— Нет. Мои были бы в два раза больше.

Маргарета наклонилась. Отпечаток был маленький, как от детской ступни или от женской, в мягкой обуви. Неполный: носок и подушечка, пятка не касалась пола.

— Женщина, — сказала она. — Шла на цыпочках.

— Или кто-то хотел, чтобы так показалось.

— Вы вообще кому-нибудь верите?

— Нет.

— Это утомляет.

— Привыкаешь.

Она выпрямилась.

— Тогда я скажу вам вот что, капитан. Меня эта комната пугает меньше, чем вы. Потому что от пустой комнаты я хоть знаю, чего ждать.

Он посмотрел на неё долго. Потом уголок рта чуть шевельнулся.

— Вы первая за четыре дня, кто сказал это прямо.

— Прямо мне нравится больше.

— Это, — сказал Маттиас, — может сильно осложнить вам жизнь в Бране.

***

К четырём в большом зале уже топили. В огромном очаге, в человеческий рост, горело сразу несколько поленьев, а у дальней стены, под гобеленом с выцветшим единорогом, толпились люди. Колокол внизу известил: прибыли гости.

Маргарета вышла из своей комнаты в тёмно-красном платье. Надела его по привычке — оно было самое строгое из тех, что она взяла в дорогу, и в нём она чувствовала себя как в доспехе. Серебряный медальон на цепочке она спрятала под воротом. Он тихо стукнул о ключицу и затих.

В зале пахло воском, мокрой шерстью и вином. Конрад Вайс, управляющий, суетился возле столов — худой, сутулый, в тёмной одежде, с серыми прядями на висках. Ей он понравился с первого взгляда, но тут же стало ясно, почему: он умел быть приятным. Старательно.

— Госпожа фон Тёрцбург, как вам покои? Нужно ли что-нибудь? Дрова, белье, горячая вода?

— Всего достаточно, спасибо.

— Если что понадобится, зовите меня в любое время. Я весь день на ногах.

— Не сомневаюсь.

Он улыбнулся и отошёл. Она проследила за ним взглядом и поймала странную деталь: уходя, он мельком оглянулся не на неё, а на дверь.

В этот момент створки распахнулись, и в зал вошли люди.

Их было человек шесть: двое слуг, трое вооружённых, и один впереди. Он шагал легко, быстро, не оглядываясь, и меховой плащ на его плечах двигался в такт шагам. Светлые волосы, аккуратная борода, холодные голубые глаза. Перстни на трёх пальцах. Он улыбался.

Улыбка была та же. Восемь лет прошло, а улыбка не изменилась.

Маргарета застыла.

— Владислав фон Розен, — шепнул кто-то рядом, и в голосе звучало почтение. — Из Кронштадта. Ему сам комитат кланяется.

— Знаю, — сказала она, не оборачиваясь.

Владислав остановился в нескольких шагах. Окинул взглядом зал, лица, очаг. Потом посмотрел на неё — и улыбка стала шире.

— Маргарета.

— Владислав.

— Не поверил, когда мне сказали в Брашове. Подумал: шутят. — Он подошёл и взял её руку, но поцеловать не стал, только сжал пальцы. — Ты стала ещё красивее. Это несправедливо.

— Ты стал старше. Это справедливо.

Кто-то из зрителей хмыкнул. Владислав рассмеялся, и смех получился тёплым, искренним, как будто он давно ждал такой реплики.

— Вот видишь. Ты всё та же. Мне тебя не хватало.

— Не хватало восемь лет и ни разу не написал.

— Писал. Твой отец возвращал письма нераспечатанными. — Он скользнул взглядом по её платью, по траурной ленте на рукаве. — Я слышал о твоей потере. Соболезную от всего сердца.

— Благодарю.

— Я хотел приехать на похороны, но не успел. Это одна из тех вещей, о которых жалеешь всю жизнь.

— Ты знал моего мужа?

— Мало. Но он был достойный человек. Достаточно старый, чтобы быть мудрым, и достаточно богатый, чтобы не обижать тебя. Я тогда сказал себе, что, пожалуй, всё к лучшему.

Слова прозвучали ровно, почти мягко, но Маргарета поняла, что её только что ударили. Аккуратно, без следа.

— Ты хотел сказать «к худшему».

— Я хотел сказать, что судьба умеет находить окольные пути. — Владислав повысил голос так, чтобы слышали остальные. — Дамы и господа! Позвольте мне сказать несколько слов.

Зал притих.

— Эта женщина, фон Тёрцбург, восемь лет назад была моей нареченной. Обстоятельства, которые от меня не зависели, нас развели. Теперь, спустя годы, Бог — или чёрт, как знать, — снова свёл нас под одной крышей. Я не буду лукавить. Я приехал сюда не только по делам. Я приехал, потому что услышал её имя.

Маргарета чувствовала, как горят щёки. Она не отвела взгляд.

— Что ты делаешь? — спросила она тихо, только для него.

— Говорю правду.

— Ты говоришь то, что выгодно.

— Иногда это одно и то же.

Он снова повернулся к залу.

— Я прошу у неё позволения возобновить разговор о союзе. Не сегодня, не завтра. Когда закончится положенный срок траура и она сочтёт возможным выслушать меня. Но я хочу, чтобы все здесь знали: я не скрываю намерений.

Аплодисментов не было. Только лёгкий шорох: люди перешёптывались. Конрад Вайс стоял у стола с кувшином и неотрывно смотрел в пол.

И тогда, в углу, у лестницы, Маргарета заметила капитана.

Он стоял, прислонившись плечом к колонне. Руки скрещены на груди. Лицо, как всегда, ничего не выражало, но челюсть была сжата так плотно, что под скулой ходил желвак. Он смотрел не на Владислава — на неё.

Их глаза встретились.

Маттиас не отвёл взгляд первым. Не кивнул, не усмехнулся. Просто смотрел — и в этом молчании было больше, чем в любой реплике.

— Ты не ответишь? — спросил Владислав вполголоса.

— Отвечу. — Маргарета повернулась к нему. — Мой муж умер четыре месяца назад. Траур не закончен. Ты можешь ждать сколько пожелаешь, но нареченной я тебе не стану.

— Я готов ждать, — сказал он мягко. — Но замки, дорогая, ждать не умеют. А ты ведь здесь именно за замком.

— Я здесь за бумагами на лес.

— Конечно, — улыбнулся Владислав. — За бумагами.

***

К ночи Бран затих. После пира, превратившегося в тягучее обсуждение торговых пошлин, который Маргарета выдержала до половины, ушла к себе и задвинула засов.

Грета уложила её, расчесала волосы, ворча на все лады: что за дорога, что за еда, что за люди. Потом зевнула, перекрестилась и ушла в соседнюю каморку, где ей постелили на лавке. Скоро оттуда донеслось мерное сопение.

Маргарета лежала с открытыми глазами.

Комната была та же, что и в детстве, хотя тогда казалась больше. Камин с закопчённой аркой, тяжёлая кровать, два сундука у стены, узкие бойницы вместо окон, затянутые бычьим пузырём. Ветер выл в щелях. Где-то внизу, во дворе, перекликались часовые.

Она вспоминала лицо Владислава. Не улыбку — глаза. В них не было ни капли тепла, пока он говорил о том, как скучал. Он смотрел на неё так, как смотрят на ключ, подходящий к двери.

А капитан смотрел иначе. Как на загадку, которую пока не решил.

— Дурочка, — сказала она шёпотом, потолку. — Ты приехала за бумагами.

Потолок не возражал.

Ближе к полуночи она услышала шаги в коридоре. Тяжёлые, размеренные: стражник. Остановились у двери и замерли. Потом, после паузы, затихли совсем. Значит, у неё теперь был караул. Прислан капитаном, наверное. Она не знала, чувствовать себя защищённой или запертой.

Когда она наконец стала проваливаться в дрему, за дверью что-то тихо шоркнуло.

Не шаги. Другой звук. Шелест бумаги по камню.

Маргарета открыла глаза.

Секунду она лежала, не двигаясь. Потом выскользнула из-под одеяла, босая, накинула плащ и подошла к двери. Прислушалась. В коридоре было тихо. Слишком тихо.

Она отодвинула засов, приоткрыла створку на ширину ладони.

Коридор был пуст. Факел в железном кольце у лестницы коптил, бросая рыжие тени на стены. Стража, стоявшая у двери, исчезла. Куда — неизвестно.

На пороге, у самых её ног, лежал небольшой свёрток в тёмной ткани, перевязанный бечёвкой.

Она подняла его. Тяжёлый для своего размера, твёрдый на ощупь. Вернулась в комнату, заперла дверь на оба засова, поднесла свёрток к свече.

Бечёвка поддалась легко. Ткань развернулась.

Внутри лежал перстень.

Золотой, тяжёлый, с гранёным тёмным камнем и выгравированным гербом его рода, который она семь лет видела на каждом письме: олень, пронзённый стрелой. Перстень её мужа.

Она села на край кровати, потому что ноги не держали.

В ночь, когда он умер, перстень пропал. Все решили: слуги или заезжие воры. Она перевернула дом, допрашивала горничных, плакала от злости на себя и на всех. Потом смирилась. Золото — всего лишь золото. Так она тогда думала.

Теперь он лежал на её ладони. Холодный, как лёд. Под камнем, в углублении, остался крошечный комочек засохшего воска, будто кто-то недавно прижимал перстень к бумаге.

Рядом, свёрнутая в трубочку, лежала записка. Маргарета развернула её дрожащими пальцами. Бумага дешёвая, серая, почерк крупный, неровный, словно писали левой рукой или нарочно искажали.

«Если вы хотите узнать, кто его убил, не доверяйте человеку, который охраняет ваши двери».

Она прочла дважды. Потом ещё раз.

Его. Не коменданта. Его.

За дверью снова послышались шаги: тяжёлые, размеренные, возвращающиеся на пост. Они замерли в нескольких пядях от неё, по ту сторону дерева.

Маргарета не шелохнулась. Сидела, сжав в одной руке перстень, в другой записку, и смотрела на узкую щель под дверью, где мелькнула и погасла тень чьего-то сапога.

Стражник вернулся. Или не стражник.

Она не знала, кто из них стоит там — и сколько человек в этой крепости хочет видеть её живой.

ГЛАВА 2. ЦЕНА ВЕРНОСТИ

Октябрь 1459 года

Ион Бота мял шапку так старательно, что от неё скоро должна была остаться одна ниточка. Он стоял посреди караулки с лицом человека, которого ведут на плаху и которому ещё не сообщили, за что.

— Повтори, — сказал Маттиас.

— Пришёл мальчишка с кухни, господин капитан. Говорит: капитан зовёт, срочно, к колодцу. Я пошёл.

— Ты оставил пост, когда за дверью спала гостья, за которую я отвечаю головой перед судом, перед королём и перед самим дьяволом, если до него дойдёт.

— Так вы же звали…

— Я не звал.

— Но он сказал…

— Он соврал, Ион. Ты это уже понял. Теперь пойми остальное. Какой мальчишка?

Ион сморщил лоб. Лоб у него был маленький, и морщиться там было негде.

— Рыжий. Или тёмный. Темно ж было, господин, факел у лестницы чадил.

— Рыжий или тёмный?

— Рыжий. Кажется.

— Сколько тебя не было?

— Пока дошёл, пока назад… Не долго. Я никого у колодца не нашёл, вернулся, а на пороге тихо. Никто не входил, клянусь. Я бы услышал.

— Ты и сейчас клянёшься, как в церкви, а слышишь, как корова. — Маттиас поднялся из-за стола. — Две недели ночных смен на западной стене. Без жалованья за первую. Выйдешь из караулки — не болтай. Спросят, скажешь, что отлучился по нужде.

— А если спросят, кто звал?

— Тогда скажешь, что тебе показалось.

Ион выдохнул, поклонился дважды, второй раз уже в дверях, и исчез. Маттиас постоял, глядя на закрытую створку. Рыжий мальчишка с кухни. Их там было трое, считая поварёнка, и все трое пробегали по двору по двадцать раз на дню. Спросить, значит, пустить слух. Не спрашивать — остаться без ответа.

Он застегнул пояс и пошёл завтракать.

Большой зал по утрам бывал хуже, чем по вечерам. Вечером горели факелы, и всё казалось теплее, чем было. Утром серый свет ложился в узкие окна, показывая каждую трещину на балках и каждое пятно на скатерти. Очаг успел остыть и теперь только дымил, а на длинных столах стыли каша, сыр и холодная баранина.

Владислав фон Розен уже сидел во главе стола. Не на хозяйском месте, хозяйское пустовало с лета, но рядом, чуть левее, и так, чтобы всё равно выглядело, будто стол достался ему. Он ел неторопливо, красиво, как едят люди, которым никогда не приходилось считать куски. Рядом с ним устроилась женщина в синем платье с серебряным шитьём, и Маттиас отметил про себя: слишком охотно смеётся. Изабелла, жена старого Хорвата, который вторую неделю кашлял в своих покоях и к столу не выходил.

Маргарета вошла последней.

Платье на ней теперь было тёмно-зелёное, закрытое до горла. Лицо бледнее, чем вчера, под глазами тени. Она села на дальний край, взяла ломоть хлеба и ничего с ним не сделала. Правая рука всё время оставалась у левого запястья. Маттиас, привыкший замечать, куда прячут руки, отметил и это.

Не спала. Нашла что-то ночью. Что именно — надо выяснить, но не здесь.

— Господа, — Владислав отложил нож и обвёл стол взглядом. — Скажу о важном, пока все в сборе. Перед выездом я говорил с брашовскими людьми и привёз добрые вести. Совет готов вновь открыть для торговли перевал. Караваны пойдут через Бран по прежним правилам, если замок снизит пошлину.

— До скольких? — спросил Маттиас.

— До двух со ста.

— Сейчас три.

— Совершенно верно.

— И кто возместит замку недостающий процент?

Владислав улыбнулся ему как человеку, задавшему очень милый вопрос.

— Выгода вернётся с лихвой, капитан. Больше купцов, больше товара, больше сборов. Я, признаться, удивлён, что вам приходится объяснять арифметику.

— Мне приходится объяснять только одно, господин фон Розен. Из Брашова три недели назад вышел обоз в сорок возов. До перевала дошло шесть. Остальные, по слухам, нашли себе приют в Валахии. Прямо на кольях.

— Это в прошлом.

— Три недели назад, не при Карле Великом.

Кто-то за столом кашлянул. Изабелла опустила глаза в свою чашу, и уголок её рта едва заметно дрогнул.

— Капитан, — мягко сказал Владислав, — вы человек военный. Вам привычно видеть в каждом дереве засаду. Но торговля живёт не страхом.

— Торговля живёт охраной. Я готов открыть перевал завтра, если совет пришлёт людей и деньги на дополнительные заставы. Не пришлёт — снизьте пошлину хоть до нуля, купцы всё равно не поедут.

— Совет пришлёт. Я поручился.

— Вы?

— Я.

— Интересно, чем.

Они посмотрели друг на друга. Владислав всё ещё улыбался, и в этой улыбке было что-то отрепетированное: так улыбаются люди, которых зовут за хороший совет, а не за хорошее дело.

— Моим словом и моими связями при королевском дворе, — сказал он. — Этого, по мне, достаточно.

— А по мне, — ответил Маттиас, — слово дороже, когда его закрепляют бумагой с печатью. И не вашей, а городской.

— Вы сомневаетесь в моей чести?

— Я сомневаюсь в вашей арифметике.

За столом стало тихо, как бывает, когда двое спорят о своём и все остальные внезапно очень заняты едой. Конрад Вайс, стоявший у стены с кувшином, отвернулся к очагу. Маргарета подняла голову, и глаза у неё на мгновение встретились с глазами Маттиаса. В них была усмешка. Мелкая, острая, быстрая — и тут же погасла.

— Не будем ссориться за завтраком, — Владислав взял кубок. — Обсудим вечером, при свидетелях и с бумагами.

— Обсудим.

— Вы бываете невыносимы, капитан.

— Мне говорили.

— Но вы правы в одном. — Владислав повернулся к Маргарете, сменив тон на мягкий. — Госпожа фон Тёрцбург, вы, насколько знаю, интересуетесь торговыми правами рода. Поддержите меня? Это в интересах вашей семьи.

— Мои интересы не обсуждаются за кашей, — ответила Маргарета спокойно. — Прошу извинить.

Она встала, кивнула столу и ушла так, что никто не успел возразить.

Изабелла проводила её взглядом. В нём мелькнуло что-то быстрое и цепкое, как у кошки, увидевшей воробья. Потом она опять засмеялась над какой-то шуткой соседа.

Маттиас отодвинул тарелку. Есть расхотелось.

***

Кабинет управляющего оказался на удивление тёплым. Пахло чернилами, воском и яблоками: в углу, в плетёной корзине, лежали последние осенние плоды, и запах стоял стойкий, домашний, совсем не крепостной. На полках, на столе, на подоконниках громоздились стопки бумаг, перевязанных шнурками. В дальнем углу тремя этажами высились сундуки с железной оковкой.

Конрад Вайс встретил её у двери, как встречают дорогих гостей.

— Госпожа фон Тёрцбург! Вот радость. Присаживайтесь, я велел согреть вино с гвоздикой. Вы, наверное, продрогли вчера.

— Благодарю, не нужно вина. — Маргарета села на предложенный стул и положила руки на колени. Одну в другую, чтобы не дрожали. — Мне нужны бумаги, Конрад. Два дела.

— Слушаю.

— Первое. Архив по землям нашего рода. Грамоты на рубку леса в Мочию, подтверждения сборов, всё, что осталось от деда. Второе. Если мой муж в мае оставлял в замке какие-либо документы, я хочу их видеть.

Конрад сложил руки на животе, как складывают люди, говорящие о неприятном.

— Ох, госпожа. Тут всё непросто. В августе, когда пошли слухи, что воевода Влад идёт на Брашов, замок готовился к осаде. Нас предупредили заранее. Приказали убрать всё ценное в подвал, поближе к колодцу. А там, понимаете, сыро. Вода поднялась, потом, когда страх прошёл, бумаги вынули, а они уже, — он развёл руками, — часть сгнила. Что можно было спасти, высушили. Я пересмотрю, обещаю. Но всё, что касается Мочию… не знаю, не знаю.

— Мне нужно увидеть всё, что осталось.

— Разумеется. Как только позволят дела. Сегодня, боюсь, нет: стража, караулы, этот ужас с комендантом…

— Конрад.

— Да, госпожа?

— Завтра. После обеда. Я приду сама.

— Как пожелаете, — сказал он слишком быстро.

Она помолчала, давая ему повисеть в тишине.

— А мой муж? Господин Герхард был в замке двадцать пятого мая. Вы его принимали?

На лице управляющего не дрогнул ни один мускул. Пожалуй, это и было странным: у людей, вспоминающих чужого гостя, обязательно чуть меняется лицо — собеседник ищет в памяти, поднимает брови, прищуривается. Конрад не стал искать. Он ответил сразу, как отвечают на заученном уроке:

— Двадцать пятого мая, говорите? Нет, госпожа. Я лежал в те дни с зубом. Неделю не выходил из комнаты, щека была как тыква. Спросите кого угодно. Вашего мужа, наверное, принимал сам комендант.

— Значит, вы с ним не виделись.

— Не имел чести.

— Но воротная книга…

— Вахтенные пишут, что видят. А я, к сожалению, много чего пропускаю.

Он улыбнулся смущённо, по-стариковски. Маргарета улыбнулась в ответ и мысленно положила в память четыре слова: «лежал с зубом». Зуб, который заболел ровно в те дни, когда в крепость приезжал хозяин, оставивший здесь шкатулку, — не слишком ли удачно?

Взгляд у неё скользнул по кабинету. Сундуки. Жаровня у стены, холодная, но вычищенная до блеска: слишком тщательно для такого рабочего места. В воздухе, под запахом яблок, пробивался другой запах, тонкий, едкий. Знакомый. Сгоревшая бумага. Отец когда-то жёг в камине письма, которые не хотел оставлять, и она помнила этот запах всю жизнь.

— Вы часто топите? — спросила она.

— Что? — Конрад моргнул.

— Жаровню. Для замка рано. Дров, наверное, жалко.

— Ах, это… Зябну, госпожа. Годы. Холод в костях.

— Конечно.

Он поймал её взгляд, и на долю мгновения она увидела в его глазах нечто совсем иное: быстрый, оценивающий расчёт, как у купца, вдруг узнавшего, что покупатель разбирается в товаре. Потом всё сгладилось. Опять тёплая добродушная улыбка, сложенные на животе руки.

— Если позволите дать совет, — произнёс он негромко. — Не беспокойте себя бумагами. Их давно никто не читает. Поживите, отдохните, на зиму здесь, говорят, красиво. А потом, когда уладится, я сам всё соберу и пришлю вам.

— Куда?

— Куда прикажете.

— Я хочу взять их сама.

— Госпожа, вы напрасно…

— Завтра. После обеда.

Она встала. Конрад поспешно поднялся следом и проводил её до двери, придерживая створку. Его рука на ручке была сухая, спокойная, с набухшими венами, и совсем не дрожала.

А глаза ни разу не посмотрели ей прямо в лицо.

***

Покои Изабеллы находились в южном крыле, где зимой хоть иногда светило солнце. Здесь не было ни казарменной суровости, ни сквозняков. Маргарета вошла и невольно замерла на пороге: в замке, где даже вино подавалось в глиняных кружках, эта комната казалась чудом.

Венецианское зеркало в серебряной оправе. Сундуки, обитые красной кожей. На полках, на подоконниках, на низком столике — шкатулки, флаконы, гребни из слоновой кости. Два пёстрых ковра с чужими, непонятными узорами. На кровати, под балдахином, лежало покрывало, затканное серебром.

— Как у вас красиво, — сказала Маргарета искренне.

— Придётся поверить на слово, красиво ли это. Я больше года вижу эти стены. Привыкаешь так, что перестаёшь замечать. — Изабелла махнула рукой. — Садитесь, прошу. Прямо на постель, стулья мне привезли убогие. Я принесу вина. Не отказывайтесь, оно хорошее, не здешнее, мне присылает отец.

Она двигалась легко, не суетясь. В синем платье, с серебряной сеткой на светлых волосах, с длинными, красивыми руками. Двадцать восемь лет, и все двадцать восемь были умело спрятаны: ни одной лишней морщины, ни одного неточного жеста. Только в углах губ, когда она не улыбалась, пряталась усталость.

Вино оказалось и вправду отличным. Тёмное, густое, с привкусом дикой вишни.

— Вы, наверное, подумали, что я неприлично рада гостям, — Изабелла села напротив, подтянув ноги. — Так и есть. Не обижайтесь. За год я говорила по-настоящему всего с двумя людьми: с отцом, по переписке, и с собой.

— И как собеседница?

— Невыносима. Всё время со мной спорит.

Маргарета рассмеялась. Не сдержалась, и сама удивилась этому звуку.

— Значит, мы похожи, — сказала Изабелла. — Вы тоже спорите.

— С мужем не спорила. Он этого не любил.

— Вот видите. А я спорила с мужем, и он тоже не любил. — Она провела пальцем по ободку чаши. — Знаете, мне было девятнадцать, когда отец сообщил, что нашёл мне достойного жениха. Достойного, понимаете? Ему было сорок девять, он служил при королевском дворе, у него имелось три поместья и подагра. Отец взвесил всё в гульденах и назвал это заботой. Мол, у девочки будет положение, а у нас будут связи. Выгодная сделка. Я проплакала всю ночь, а утром вышла к столу и сказала: согласна. Что ещё я могла сказать?

— Я знаю.

— Вам тоже?

— Мне было семнадцать. Моему мужу — сорок. Мы не спорили и не ссорились. Мы просто… — Маргарета подбирала слово, — сосуществовали. Как два человека, оказавшиеся в одной карете, которая едет не туда, куда нужно обоим.

— Вы его любили?

— Нет.

— Он вас?

— Не знаю. Он меня… берёг. Как бережёт вещь, которой дорожит. Это не одно и то же.

Изабелла не ответила. Только кивнула, медленно, и в этом кивке было больше сочувствия, чем в любых словах. В соседней комнате за закрытой дверью раздался сухой, затяжной кашель, потом глухое ворчание и тишина.

— Ласло, — сказала Изабелла почти шёпотом. — Он вторую неделю не встаёт. Лёгкие. Лекарь сказал: до зимы дотянет, дальше как Бог даст. Я должна бы горевать. А я сижу с вами, пью вино и думаю: господи, неужели я больше не буду просыпаться под этот кашель?

— Вы не обязаны горевать.

— Правда? А мне казалось, обязана.

— Мне тоже казалось. Я проплакала на похоронах четыре часа подряд. Для людей. А вечером, дома, села за стол и съела целую курицу. Одна.

— Целую?

— Ножки, крылья, всё.

Изабелла рассмеялась так громко, что сама испугалась и прижала ладонь ко рту, покосившись на дверь соседней комнаты. Потом, давясь, махнула рукой.

— Господи. Вот теперь мы подруги. Я больше не отпущу вас, и не пытайтесь убежать.

— Не буду.

Они сидели друг напротив друга, и Маргарета заметила, что впервые за пять дней чувствует себя спокойно. Не безопасно: спокойно. Так бывает на крошечном островке посреди разлившейся реки.

На крючке у двери висел синий плащ с капюшоном. Рядом коричневый и ещё один серый. Она скользнула по ним взглядом и тут же забыла.

— Вы, кажется, вчера держались с Владиславом очень достойно, — сказала Изабелла. — Хорошо ответили. Я уж думала, он обрадуется и упадёт в обморок от удовольствия.

— Вы с ним знакомы?

— Кто же его не знает. Он бывал у нас в Брашове, когда отец принимал гостей. Умеет понравиться. Сначала кажется, что ему можно верить. — Она склонила голову набок. — Но вам виднее, вы были его невестой.

— Недолго. И давно.

— Вы жалели?

— Что расстались? — Маргарета подумала. — Нет. Он смотрел на меня и прикидывал, сколько я стою. Не то чтобы это было неожиданно. Просто… хотелось, чтобы хоть раз на меня посмотрели без счёта.

— Ах, вот оно что, — тихо сказала Изабелла. — Да, это редкость.

Она поставила чашу на столик и придвинулась ближе. Рука её, лёгкая, прохладная, коснулась цепочки на шее Маргареты, вытянув из-за ворота серебряный овал.

— Красивая работа, — сказала она. — Я давно заметила. Вчера, за столом, когда вы наклонились. Можно?

Маргарета не отстранилась. Только почувствовала, как внутри что-то отозвалось, как струна, до которой дотронулись не так, не в том месте.

— Конечно.

Медальон лёг Изабелле на ладонь. Серебро, потемневшее по краям, тонкая гравировка: переплетённые лозы, посередине крошечный цветок. С обратной стороны, мелкими буквами, — какой-то девиз, истёртый настолько, что прочесть невозможно.

— Старый?

— Подарок мужа. Перед самой смертью.

— Перед смертью. — Изабелла произнесла это тихо, почти ласково. — Значит, особенная вещь. Он открывается?

— Не знаю. Застёжка заедает, я не пробовала.

— И не хотите?

— Пока нет.

— Правильно. Некоторые вещи лучше хранить закрытыми. — Изабелла вернула медальон и невзначай поправила цепочку на груди Маргареты, как это делают подруги. — А муж ничего не говорил? Не объяснил, почему именно её?

— Нет.

— Странно.

— Он вообще был человек немногословный.

— Да, — повторила Изабелла. — Наверное.

Что-то в её голосе изменилось, едва уловимо: так меняется свет, когда за окном проходит облако. Маргарета подняла глаза. Лицо у Изабеллы было прежним: открытым, доброжелательным, чуть грустным. Но пальцы на коленях побелели.

— Вино закончилось, — сказала Изабелла бодро. — Я принесу ещё.

— Благодарю, мне уже пора.

— Вы придёте завтра?

— Приду.

— Обещаете?

— Обещаю.

Она вышла в коридор и пошла прочь по плитам, и только за поворотом, у лестницы, сообразила, что всё это время сжимала медальон в кулаке, как маленькое живое существо, за которое испугалась.

***

К пяти часам похолодало, и ветер, весь день ходивший где-то высоко, наконец спустился на стены и принялся трепать плащи. Маргарета поднялась на верхнюю площадку, у западной башни, где, как ей объяснили, чаще всего можно найти капитана.

Он был там. Стоял, облокотившись о парапет, и смотрел в долину, где в сумерках уже лежали тени от гор. С запада наползал лиловый туман. Мелкие, колючие крупинки то ли снега, то ли ледяной крупы шуршали по камням.

— Вы обещали прислать за мной человека, — сказала Маргарета вместо приветствия.

Он обернулся, не удивившись.

— Обещал.

— Не прислали.

— Вчера приехал господин фон Розен. Планы изменились.

— Планы меняются у тех, кто их имеет. — Она подошла к парапету, встала на расстоянии вытянутой руки. — Вы хотели, чтобы я подумала, что мне известно. Я подумала. Хотите знать итог?

— Слушаю.

— Мне известно, что вы лжёте.

Он не вздрогнул. Только чуть наклонил голову, приглашая продолжать.

— В чём же?

— Вы сказали, что нашли коменданта четыре дня назад. Но в замке говорят о другом. В ту самую ночь, когда вы со своими людьми носились по двору, умирающий человек на ваших руках произнёс чьё-то имя. Моё.

Шум ветра на секунду стал оглушительным.

— Кто вам это сказал? — спросил Маттиас очень тихо.

— Моя горничная. Она подружилась на кухне с поварихой. Повариха от подруги, подруга от прачки. Из тех, кто слышал, не молчит ни одна. Вы можете запретить людям говорить, капитан, но не можете запретить им думать вслух.

— Я приказал…

— Вы приказали, и поэтому все и шепчутся. Так что давайте без игр. Что сказал тот человек?

Он смотрел на неё долго. Потом отвёл глаза, на долину, на уходящую вдаль, быстро темнеющую дорогу. Плечи у него на мгновение опустились. Не от усталости: от решения.

— Он сказал: «Маргарета. Скажите Маргарете. Тёрцбург». Больше ничего.

— И вы скрывали это от меня.

— Скрывал. Пока не понял, что вы приехали не затем, о чём говорите.

— А затем я приехала зачем?

— Не знаю. Поэтому и скрывал.

— И теперь знаете?

— Нет. Но теперь вы знаете, что я скрывал, а это уже половина доверия. — Он наконец посмотрел на неё прямо. — Я могу ответить на любой вопрос. Но не обещаю, что вам понравятся ответы.

— Кто убил коменданта?

— Не знаю.

— Кто принёс тело в покои?

— Не знаю.

— Кто мог войти в замок в обход ворот?

— Все, у кого есть ключ от нижней калитки. Таких человек пять. И ещё один, о котором я пока не знаю.

— Почему вы ведёте это дело? Вы капитан гарнизона, а не судья. Для расследований есть королевские чиновники.

Он помолчал так долго, что она решила: сейчас уйдёт от ответа. Но Маттиас вдруг заговорил, неохотно, отрывисто, как говорят о том, что не любят произносить вслух.

— Я веду это дело не по долгу. По просьбе. Есть человек, которому я обязан жизнью. Он попросил выяснить, кто убил Хольцера и зачем. Мне этого достаточно.

— Кто он?

— Не скажу.

— Почему?

— Потому что он не простит, если я назову его имя. И потому что вам лучше его не знать.

— А если он тоже замешан?

— Исключено.

— Вы слишком уверены.

— Я знаю его двенадцать лет.

— Хольцера вы знали меньше.

— Хольцера я знал полгода. И считал, что он глупый, но честный. Теперь не уверен ни в первом, ни во втором.

Ветер швырнул ей в лицо горсть ледяной крошки. Маргарета отвернулась, и пока вытирала щёку, вспомнила ночь: тонкий шорох, свёрток, холодное золото в ладони. «Не доверяйте человеку, который охраняет ваши двери». Двери охранял он. Он выставил караул. Или кто-то выставил от его имени.

— Скажите, — произнесла она как будто между прочим, — кто стоял вчера у моей двери?

Лицо у него осталось неподвижным. Но не взгляд: что-то в нём быстро, сухо прищёлкнуло, как замок.

— Ион Бота.

— Он был на месте всю ночь?

— Почти.

— Почти?

— Его отозвали. Мальчик с кухни передал, будто это приказ капитана. Приказа не было.

— Значит, кто-то нарочно убрал стражу.

— Выходит, так. — Маттиас подошёл на шаг. — Госпожа Маргарета, почему вы спрашиваете?

— Мне показалось, что в коридоре ходили.

— Показалось.

— Да.

— Лжёте вы плохо, — сказал он без насмешки. — Это ободряет.

— Рада за вас.

— Вы что-то нашли ночью. Что-то, что не хотите мне показывать. Я не стану допытываться. Но запомните: если вам оставили что-то под дверью, в записках, подарках или угрозах, я хочу об этом знать. До того как вы начнёте делать выводы.

— А вы расскажете мне всё, что знаете сами?

— Нет.

— Тогда зачем мне рассказывать вам?

— Не за чем. Просто хуже будет, если я узнаю позже, чем следует.

— Вы мне угрожаете? Опять?

— Я вам советую. Разница в том, что угрозу произносят, чтобы напугать, а совет — чтобы вы дожили до весны.

Они стояли очень близко. Туман добрался до самых зубцов, и фонарь на башне зажёгся, отбросив на камни неровный жёлтый круг. Лицо Маттиаса в этом свете казалось вырезанным из тёмного дерева.

— Вы не сказали мне ещё кое-чего, — произнесла Маргарета. — Когда я спросила, что было сказано, вы остановились. После моего имени. Как будто хотели продолжить.

— Он больше ничего не сказал.

— Это правда?

— Это правда, — Маттиас на секунду задержал дыхание. — Всё, что он сказал, я вам повторил.

Всё, что он сказал. Не всё, что он знает.

Маргарета кивнула. Не стала ловить его на слове. Просто положила в память: вторая вещь, которую от неё скрывают, а первая, шкатулка с орехом и перламутром, всё ещё не нашлась.

— Спокойной ночи, капитан.

— Спокойной ночи, госпожа.

Она пошла к лестнице. На середине остановилась.

— Завтра я хочу увидеть воротную книгу. Страницу за двадцать пятое мая.

— Принесу, — сказал он ей в спину.

— Сама поднимусь в караулку.

— Как вам угодно.

Больше он не сказал ничего. Она спустилась по винтовой лестнице, чувствуя, как ступени уходят из-под ног, и весь путь до своих покоев не оборачивалась. Только в коридоре, у двери, где теперь стояли сразу двое стражников, остановилась и прислонилась лбом к холодному дереву.

Двенадцать лет, — подумала она. — Человек, которому он обязан жизнью. Кто же это такой?

***

Ночь Конрад провёл бы в постели, если бы не повариха.

Она подошла к нему на кухне, во время вечерней проверки, и сунула в руку сложенный вчетверо листок, пахнущий дымом и луком.

— Дровосек у калитки оставил, господин управляющий. Сказал, лично. Сказал, чтобы никому.

— Какой дровосек?

— А я почём знаю? Борода до глаз, топор за поясом. Уехал уже.

— Давно?

— Да только что. Сын мой, Томаш, прибежал, говорит: человек просит, а я человека не видела, ей-богу, управляющий. Он Томашу медяк дал.

— Сколько Томашу лет?

— Двенадцать.

— Передай ему: за медяки с чужими не разговаривать.

— Передам.

Конрад поднялся к себе и закрыл дверь сначала на засов, потом на второй, как привык. Зажёг свечу. Сел. Только тогда посмотрел на листок.

Бумага плотная, дорогая, не из тех, что продают в Брашове. Сложена аккуратно, края ровные. Печать черная, из воска, какой в здешних местах не варят: чуть жирный, с едва заметным блеском. На воске остался оттиск, и Конрад, привыкший за двадцать девять лет различать гербы всех окрестных семей, на несколько секунд забыл дышать.

Гербом это не было. Просто гладкий кружок с мелкой насечкой по краю. Так оставляют след монетой, если нет настоящей печати. Или если не хотят, чтобы по печати узнали.

Он сломал воск ногтем.

Внутри четыре строки. Почерк мелкий, прямой, незнакомый. Ни подписи, ни обращения.

Вдове фон Тёрцбург надлежит покинуть Бран до первой метели. Способ на твоё усмотрение. Если останется, ты ответишь первым.

Прочёл. Перечитал. Положил на стол и осторожно придавил двумя пальцами, как будто бумага могла сама собой сползти и обратиться в змею.

Первая метель. В здешних горах ждали её обычно к Мартину, но случалось, что она приходила раньше, нежданно, за один вечер заметая перевал по пояс. Старые пастухи говорили: в этом году рано. Ветер уже пахнет снегом. Три недели, может, меньше.

Он встал, подошёл к окну, приоткрыл ставню. Внизу, во дворе, горел одинокий факел. Тянуло сыростью и дымом, а где-то высоко, на самом краю слышимости, уже шептало что-то тонкое, ледяное. Скоро.

Кто писал? Не Владислав. Конрад знал его почерк, широкий, с хвостатыми буквами, и знал его манеру: любезную, обволакивающую, всегда оставляющую человеку лазейку. А здесь не было лазеек. Только приказ и угроза, написанные ровно, без злобы, как пишут распоряжение о поставке дров.

Значит, второй. Значит, над ним теперь стояли двое, и, судя по всему, один не знал о существовании другого.

Он закрыл ставню и опустился на стул. Рука, лежавшая на колене, отчётливо дрожала. Он смотрел на неё без досады, с каким-то отстранённым любопытством, как на чужую, и ждал, когда дрожь уляжется.

Она не улеглась.

Ему не нравилась вдова. Ни умом, ни вопросами, ни тем, как смотрела на пустую жаровню. Но убирать людей из замка он не любил ещё больше. Тут слишком много свидетелей, слишком много камня, слишком мало места, чтобы спрятать то, что придётся прятать.

А письмо не оставляло выбора.

Он разгладил листок, свернул, вложил в полую ножку кресла, где хранил то, что нельзя показывать. Потом долго сидел, прислушиваясь к ветру. Ветер крепчал. За окном, на самой границе слуха, шуршал первый осторожный снег.

ГЛАВА 3. ЗАПРЕТНАЯ КОМНАТА

Конец октября 1459 года

К оружейной Маттиас спускался затемно, по привычке, которую никогда никому не объяснял: каждое утро, прежде чем в крепости откроют ставни, обойти склады, пересчитать связки, потрогать замки. Старый солдат из его первого гарнизона говорил: «Пока считаешь, ничего не пропадёт». Пропадало всё равно. Но реже.

Дверь поддалась со скрипом. Внутри пахло оружейным маслом, холодным железом и кожей. Вдоль стен на стойках стояли копья, на крючьях висели кольчуги, в дальнем углу тёмной грудой высились арбалеты. А над столом у входа, на дубовой доске с вырезанными номерами, висели ключи.

Он провёл пальцем по рядам, как проводят по строчкам молитвы.

Седьмой на месте. Девятый на месте. Одиннадцатый…

Крюк под одиннадцатым номером был пуст.

Маттиас постоял, не двигаясь. Потом обернулся, подошёл к двери, взял со стены фонарь, поднёс к доске и оглядел крюк вблизи. Ни царапин, ни следов взлома. Ключ не сорвали. Его сняли, как снимают собственную вещь.

Одиннадцатый открывал комнату писаря. Узкую каморку рядом с покоями Хольцера, где комендант хранил копии приказов, письма, расписки. Через неделю после убийства Маттиас сам заложил её воском, пришлёпнул на щель своей печатью и повесил ключ сюда, на виду, где его мог тронуть только тот, кто решился бы войти в оружейную при двух часовых у ворот и десятнике на галерее.

— Бертольд! — крикнул он в проём. — Краус!

Десятник появился через минуту, с красными от недосыпа глазами, застёгивая куртку на ходу. Сорок лет, борода лопатой, привычка смотреть на начальство исподлобья, как бык на изгородь. Для Маттиаса он был лучшим человеком в крепости именно потому, что никогда не делал вид, будто в чём-то согласен.

— Звали?

— Кто был в оружейной ночью?

— Никто.

— Я не спрашиваю, что тебе доложили. Я спрашиваю, кто был.

— Не знаю, господин капитан.

— Вот это уже честнее. Смотри.

Он поднёс фонарь к полу у стола.

Сначала Бертольд ничего не увидел. Потом присел на корточки, всмотрелся, и выругался сквозь зубы длинно, с чувством, как ругаются люди, сильно оскорблённые чужой наглостью.

По каменным плитам тянулась цепочка следов. Грязные, влажные ещё, с неровными краями. От двери к доске, от доски обратно. Размер немаленький, подошва гладкая, без гвоздей. И грязь была не серая, дворовая, а красновато-бурая, плотная.

— Глина, — сказал Бертольд.

— Какая?

— Красная.

— А у нас какая во дворе?

— Серая. Сланец, известь. Красная только…

— Только?

— За перевалом. Или у Рукэра, на тропе к скалам. — Десятник поднял голову. — Господин капитан, да не может быть. Ворота с вечера заперты. Я сам проверял. Нижняя калитка на засове, и засов изнутри.

— Изнутри его снимет кто угодно, у кого есть руки. — Маттиас стёр носком сапога край следа и аккуратно, чтобы не размазать, подцепил комок глины. Растёр в пальцах. Жирная, с мелкой крошкой, пахнет ржавчиной. Такой он три года месил в чужих сапогах, и не спутал бы ни с чем. — Значит, либо кто-то из чужих знает, как вернуть засов на место после себя, либо засов снимал свой.

— Свой, — медленно повторил Бертольд.

— Или чужой не один. Сколько людей знает, что ключ висит в оружейной?

— Вы. Я. Ион. Парни из ночной смены, наверное. Управляющий.

— Конрад?

— Он как-то спрашивал, где вы запираете связку. Ещё летом.

— Зачем?

— Говорил, чтобы знать, где искать, если что случится.

— Умно. — Маттиас выпрямился. — У кого ключи от нижней калитки?

— У вас. У меня. У Конрада. У кузнеца, чтобы уголь подвозить. И был у господина коменданта, да…

— Да он на теле не нашёлся.

— Не нашёлся.

— Вот и ответ. Хольцер возвращается, ему кто-то открывает, его убивают, ключ забирают. Потом тот же человек, или другой, использует этот ключ ещё раз. Сегодня ночью. И заодно тянет одиннадцатый.

— А что в той комнате было?

— Приказы. Копии. Письма. Всё, что я успел прочесть, не стоит выеденного яйца. — Маттиас задумался. — Значит, стоит что-то другое. Или то, чего я не успел прочесть.

Бертольд сплюнул в угол, не рассердившись на себя за это.

— Господин капитан, дозвольте сказать прямо. Я пятнадцать лет в караулах. Когда у начальника пропадает ключ, а у начальника лицо такое, как у вас сейчас, это значит, начальник уже знает, что искать. Только не говорит.

— Не знаю.

— Тогда что собираетесь делать?

— Ничего. Сегодня ночью смену на воротах удвоить, калитку замкнуть вторым замком. Ключ от второго отдать только тебе. Всем остальным сказать, что одиннадцатый я сам убрал в другое место. Следы вытереть, до обеда никому об этом ни слова.

— А если они придут снова?

— Хочу, чтобы пришли.

— Вы шутите.

— Нет, — сказал Маттиас. — Когда человек уверен, что его не поймали, он делает одну и ту же ошибку дважды. Просто на второй раз я хочу стоять рядом.

***

За две недели в Бране Маргарета выучила, что в замке всё делается медленно, кроме слухов.

Воротную книгу она прочла на третий день, в караулке, при Бертольде и двух стражниках, которые косились на неё, как на привидение. Двадцать пятое мая. Две строки, написанные неуверенной рукой: «Герхард, господин из Сигишоары, с ним двое. Прибыл до полудня. Убыл на другой день». Внизу — подпись мужа, знакомая до последнего хвостика. Не подделка, не чья-то шалость. Герхард сам приезжал в Бран за семнадцать дней до смерти и ничего ей не сказал.

Архив ей показали на следующий день. Два ящика гнилых бумаг, заплесневелых, склеенных в комья. Конрад суетился, огорчался, вздыхал. Про Мочию ни слова. Про мужа ни слова. Она ушла, унося с собой ощущение, что её очень старательно водили по кругу.

Оставалось одно.

Сундук стоял у стены её покоев с первого дня. Старый, дубовый, окованный медью, с вытертой до светлого дерева крышкой. Герхард возил его всю жизнь, а после похорон она велела погрузить в обоз вместе со своим добром, сама не зная зачем. Хотелось, чтобы рядом оставалось хоть что-нибудь его. Хоть пыль.

Утром она отправила Грету за горячей водой, закрыла дверь на засов и села перед ним на пол.

Внутри лежали обыкновенные мужские вещи. Две пары перчаток. Бритвенный прибор. Молитвенник в потёртой коже. Сложенный плащ. Бумаги по хозяйству, счета, расписки. Всё то, что она уже раз перебирала в день, когда вернулась с кладбища. Она переложила их на пол и вдруг, без всякой причины, присмотрелась к самому сундуку.

Снаружи он был по пояс ей, а изнутри казался мельче. На две ладони. Она положила одну руку на дно, вторую приложила к наружной стенке снизу и пересчитала пальцы. Не сходилось.

— Ах ты, — пробормотала она.

Шпильки хватило. Она подцепила край у основания, нащупала тугую выемку, нажала. Что-то щёлкнуло. Дно подалось вверх, как крышка гробика.

Под ним лежала стопка писем, перевязанная чёрной лентой.

Пальцы у неё стали холодными. Она развязала ленту, разложила листы на ковре. Четыре листа. Три на плотной бумаге с ровным обрезом, какой в Брашове покупают только по большим заказам. Почерк на этих трёх знакомый.

Широкий. Размашистый. С длинными хвостатыми буквами.

Любезный Герхард,

Хольцер не вечен, а ключи от Брана должны попасть в руки тем, кто умеет с ними обращаться. Вам известно, чьё имя придаёт этому вес. Не затягивайте. Весна — не лучшее время для разговоров, но лучшее для решений.

Ваш друг Владислав фон Розен.

Март. Она развернула следующее. Апрель, чуть короче. «Бумага, о которой вы писали, необходима мне до исхода мая. Привезите её лично, не доверяйте гонцам». Третье, майское: «Если вам неудобно говорить в Бране, я приеду сам. Но предупреждаю: ожидание дорого обходится нам обоим».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.